

Константин Ломиа

Лунная тишина

Стихи и поэма

Перевод с абхазского Евгения Елисеева

Константин Ломиа родился в 1928 году в селении Кутол Очамчирского района Абхазской АССР. В 1950 году окончил Сухумский государственный пединститут. А в 1952 году — Литературный институт имени Горького. Работал заведующим отделом культуры и быта в редакции "Апсны Капш", секретарем редакции журнала "Алашара" и потом редактором детского журнала "Амцабз". С 1957 года К. Ломиа — секретарь правления Союза писателей Абхазии. Литературной работой К. Ломиа занимается с 1945 года. За это время вышел ряд сборников поэта на родном языке. "Лунная тишина" — второй сборник Ломиа, выходящий в "Советском писателе" на русском языке. Первая книга — "Земные звезды" - вышла в 1958 году.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

Предчувствие дождя.....	5
Человек без друзей.....	7
Сухумские кипарисы.....	9
Багадская скала.....	11
Любовь к морю.....	12
«Угомонился, уснул наш дом...».....	15
Характер горца.....	17
Ворота скрипят.....	19
«А вы замечаете — время как мчится!...».....	23
Поток.....	24
Бывший.....	25
«Мы облетели шар земной...».....	27
Изабелла.....	28
«А по-моему, правда — одна...».....	29
«Я живу у подножья Сухумской горы...».....	30
«Вы спросите у двора...».....	32
«Бочка пьет по сорок ведер...».....	33
«Мне видится медведица...».....	34
Засуха.....	35
«Для гостя — парадная дверь...».....	38
Дуб.....	39
«Заржавел топор без дела...».....	42
«Доверяй коню из табуна...».....	43
«Если совесть чиста...».....	44
«За хорошего соседа жизнь отдам!...».....	46
Лунная тишина.....	47
Поднимаюсь в горы.....	48
Обращение к другу.....	50
«Есть приятель у меня...».....	54
Аламыс.....	56

След молнии.....	58
Разговор с морем.....	60
«Вы на свадьбе абхазской...».....	62
Мороз в Абхазии.....	64
«Стих взнудать не так просто, как кажется...».....	65
Пальма.....	67

Поэма

Дочь Солнца.....	69
------------------	----

СТИХИ

ПРЕДЧУВСТВИЕ ДОЖДЯ

Ветер с моря.
Вечер из-за гор.
И деревьев
смутный разговор.
И во всем
предчувствие дождя.
Он придет
немного погодя.
А пока -
шумит вдали река.
И никак не ладится
строка...
Гром возьмет
кремневое ружье.
Он из тучи
высечет ее,
ту строку,
которую вовек
не напишет
смертный человек.
Вот и грянул дождь
как из ружья!
Как веревка
каждая струя.
Я могу по ним
на небо влезть,
что гремит,
как кровельная жесть.
Дождик, дождик, пуще!
Ну, и мощь!..
Но недолго длится
этот дождь.
В небе
развиднеется опять.
Тени от деревьев
лягут спать.
На асфальте

влажный след луны.
А чернила
жидки и бледны...

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ДРУЗЕЙ

Пусть скала упадет,
пусть волна нападёт
и поток
преградит вам дорогу -
были б только друзья,
чтоб знать наперед:
в трудный час
друг придет на подмогу.
Человек без друзей -
что он в жизни достиг?
Он померет -
мы вздохнем
и забудем...
Он привык только брать,
он давать не привык,
да и нечего
дать ему
людям!
Почему так печально
жует он свой хлеб?
Почему он все время
не в духе?
Человек без друзей -
он смешон и нелеп,
как единственный зуб
у старухи.
Все так трудно,
когда
человек одинок!
И судьба норовит
дать подножку.
Лист сухой упадет -
и собьет его с ног,
и раздавит его,
точно мошку.

СУХУМСКИЕ КИПАРИСЫ

Я кипарисов
хвойную семью
по выправке
солдатской узнаю.
Когда бы к нам
друзья ни заглянули —

из ближних мест,
из дальних областей,—
они стоят
в почетном карауле
и ждут прибытья
дорогих гостей.
Мой добрый город,
свет моих очей,—
никто не встретит
гостя горячей,
и кипарисы,
бравые вояки,—
как будто
восклицательные знаки
его приветствий
тостов и речей!

БАГДГАДСКАЯ СКАЛА

Не обошли ее года,
не пощадили холода,
и облысела от жары
макушка рыжая горы.
Река теснит ее плечом,
ярит и дразнит,
как быка,
а ей и буря нипочем,
не то что вздорная река.
Кодор-река!
Давай на спор:
тебе не сдвинуть этих гор,
чьей грудью впоен ты, Кодор!
И вовсе ты не пикадор.
Не свороти себе скулы —
скала и ухом не ведет!
Уж не из этой ли скалы
Сасрыкву* вырубил народ?

** Сасрыква — герой абхазского эпоса, якобы вытесанный из камня.*

ЛЮБОВЬ К МОРЮ

Мечта моя с детства
кружила над морем.
Вы думали - чайка,
а это мечта!
Мы любим друг друга,

играем и спорим.
И кажется мне -

мы ровесники
с морем...
А люди решили,
что мы не чета!
И все же мы любим
безмолвно и тайно.
Я к морю привязан
сильней, чем к земле,
как будто я вырос
в семье капитана,
как будто родился я
на корабле.
Я помню,
как встретился
с морем впервые.
Казалось, был день
раскален добела.
Я помню село
и тропинки кривые —
одна из них к морю
меня привела.
Плеснуло в глаза
голубым и зеленым
и в душу мне
хлынули
солнца ручьи,
когда перед взором
моим изумленным
раскинуло море
просторы свои.
Оно, как дитя
на груди материнской,
внезапно проснулось,
и взор голубел.
Природа недаром
слывет мастерицей:
какую ему
создала колыбель!
Как тихо и мирно
оно возлежало,
как славно глядело
оно на меня!..
Эй, море, дружище,
а ты возмужало
с того незабвенного
нашего дня.
Порой ты угрюмо,
порой нелюдимо.
Когда тебе грустно —
меня позови.
Я знаю:
ты многими,

море,
любимо,
но все ли достойны
ответной любви?
Житейские мелочи
кажутся вздором,
когда пред тобою
склоняюсь, любя...
Сейчас мы в разлуке,
но вновь перед взором
тот день, что впервые
открыл мне тебя.
Горит облаков
золотое тиснение.
И, лежа в объятиях
горной гряды,
ты горы
сосеешь и сосеешь
без стеснения,
припав, как дитя
к материнской груди...

Угомонился,
уснул наш дом.
Двор опустел,
как базар под вечер.
Месяц на крышу
залез с трудом -
кто его, бедного,
так изувечил?
Кто-то уменьшил его
на треть!..
Мама на кухне
моет посуду.
Мама! И ты
начала стареть!
Я огорчать тебя
больше не буду,
только ты, мама,
постой, не старей!
Много ли радости
в жизни осталось?
Смолоду надо
беречь матерей,
чтобы не мучала совесть
под старость.
Мы и под старость
для них — сосунки,
и огорчения

с нами не редки:
так же приносим
домой синяки,
а иногда
подчищаем отметки.
Летом у солнышка
масса хлопот,
но и у мамы их тьма,
скажем прямо.
Рано ли солнышко
летом встает?
Раньше его
просыпается мама...

ХАРАКТЕР ГОРЦА

Быть может, слишком крут
характер горца,
но все-таки не круче
наших гор.
Зато в нем есть
и воля
и упорство —
а впрочем,
не об этом разговор.
И горец тоже может,
к сожаленью,
обидеть мать,
жену или сестру.
За это я его не пожалею,
такое в горце
мне не по нутру.
Хотя он склонен
к дружеским беседам
и утром у соседа
брал огонь —
он может вдруг
поссориться с соседом
и уж потом к соседу —
ни ногой.
Дурное в нем,
как в каждом человеке
осталось от недобрых
тех времен...
Но гостя
не обидит он вовеки,
он встретит гостя,
как велит закон.
Как говорится
в нашей поговорке:
хоть наступите горцу

на мозоль,
но раз вы гость —
он перетерпит боль.
он все отдаст вам
до последней корки...

ВОРОТА СКРИПЯТ

В саду от деревьев
прохлада и свежесть.
Бывало, под утро
с балкона я свешусь
и вижу — по саду
крадется туман,
бродячий туман —
воровской атаман!..
Любил я в деревне
подняться чуть свет.
Но раньше меня
поднимался сосед.
Чуть звякнет щеколда
чуть скрипнут ворота -
уж он на ногах
и встречает кого-то.
Я знаю — он сына
из города ждет!
А сын его
школу
окончил в тот год.
На славу родители
встретили сына,
чтоб перед соседями
не было стыдно.
Тогда за столом
собралось полсела.
Но слишком короткою
встреча была.
Еще не закончил
свой тост тамада,
когда постучалась
в ворота беда...
И встреча для них
обернулась разлукой,
доныне все длится
и длится она.
Бомбежками,
голодом,
смертью,
разрухой
по нашей земле
прокатилась война.

Что ж дальше?
От сына —
ни слуха ни духа.
Никто не ответит:
он жив или нет?
От горя, наверное,
как от недуга,
стал слепнуть
и стал забываться
сосед...
Попробовав ночью
вздремнуть хоть немного,
под утро сосед мой
на ощупь встает,
и долго стоит он
в дверях у порога,
разбуженный скрипом,
нет! —
вскриком
ворот.
Не слуху он верит,
а верит надежде.
Когда ему плохо,
а ночь так темна,
сестрой милосердия
в белой одежде
к его изголовью
садится она.
Одною надеждой
живет он на свете.
Совсем побелела
его голова.
Во двор забегают
соседские дети.
Ворота скрипят.
И надежда жива.
Хозяйка ребятам
кричит с огорода:
«Уйдите, оставьте
в покое ворота!»
Но муж ее в курсе
ребячьих затей,
он ей возражает:
«Не трогай детей!»
Однажды, когда она
смазала петли,
старик чуть не слег -
так он был огорчен.
И только когда они
снова запели,
тогда понемногу
оправился он.

Едва он слышит
знакомые звуки,
забывши, что он
во дворе не один,
протянет он чуткие,
зрячие руки
с надеждой,
что это
вернулся их сын...

А вы замечаете -
время как мчится!
Бездельник
своей сединою кичится.
Его похвальба
не доходит до слуха:
заранее знаю -
все враки,
все дым.
Сама по себе -
седина не заслуга:
козленок,
так тот и родится
седым.

ПОТОК

С гор несетя поток,
хочет сбить меня с ног -
и собьет, пожалуй,
вон он глупый какой -
притворился рекой,
озорной и шалой!
Под весенним дождем
ледниками рожден,
облаками вскормлен -
он неистов и груб,
даже старый наш дуб
выворотил с корнем.
Погоди-ка, сосед,
погляди-ка, ты - сед,
что ж ты бешишься, негодник,
как мальчишка-второгодник
и срамишься на весь свет?
Говорит поток спесиво:
"В седине моей вся сила!
Я сегодня не усну,
сердцем слышу я весну!"

БЫВШИЙ

Он молчалив,
загадочен и важен.
Он омрачит
любое торжество.
Ни "да", ни "нет",
ни нашим и ни вашим.
Вы слова не добьетесь
от него.
Напрасно вы
теряетесь в догадках,
я все вам объясню
в один момент:
был старый дуб,
остался пень в поганках,
как дутого величья
монумент.
Что там, за этим
лобиком убогим?
Какую мысль
пригрел он,
как змею?
Стоячий пруд!
Он кажется глубоким,
хотя он по колено
воробью.

Мы облетели шар земной,
мы познакомились с Луной -
от этой мысли слезы в горле.
И необычной новизной
сияет небо надо мной,
как будто зеркало протерли.

ИЗАБЕЛЛА

Изабелла — южанка,
ей на солнце не жарко.
Изабелле без солнца
нельзя.
Вот и тянется к свету
с ветки на ветку,
по стволу вековому
скользя.
Покажись, Изабелла!

Как жизнь, Изабелла?
И на каменный выступ
окна
взобралась и запела
моя Изабелла,
от любви и от солнца
пьяна...

А по-моему,
правда — одна:
правда солнца
и правда зерна.
На земле
путь мне
предками велен.
Я родимой земле
буду верен,
как земля
этой правде
верна...

Я живу у подножью
Сухумской горы.
И горе каждый год
подношу я дары.
Было каменным
сердце
моей недотроги,
но в смолистые кудри
вплел я ленту дороги.
Даже голову
дерзко
заставил нагнуть -
фонарей ожерелье
повесил на грудь.
И теперь,
когда мы
помечтать с нею сядем
и немного остыть
после жаркого дня -
зоолтится гора
мандариновым садом
и доверчиво-нежно
глядит на меня.

Вы спросите у двора:
кто его хозяйка?
Какова собой она?
Может быть, она добра -
бросит птицам
горсть зерна,
скажет: налетай-ка!
Или, может быть, она
суетлива и жадна?
Может быть, лентяйка?
Приходите-ка с утра
и спросите у двора —
он язык развяжет,
все о ней расскажет...

Бочка пьет по сорок ведер,
и претензий к бочке нет:
не впадает бочка в одурь,
как от стопки мой сосед.

Мне видится медведица
в словах «зима» и «снег».
Ей в город бы наведаться
и учинить набег.
Да не хватает смелости,
медведица робка!
Хотите к ее светлости,
туда, за облака?
К зиме вы лесом выйдете,
ослепнув после тьмы.
Нигде вы не увидите
такой ручной зимы!
Лежит с утра до вечера,
а с гор спуститься лень.
Косится недоверчиво
на собственную тень.
Осунется медведица,
из белой станет серой,
а через два-три месяца
уйдет домой, на север.

ЗАСУХА

Засуха — жадная

точно губка,
засуха — желтая,
как лимон.
Ну и засуха —
душегубка!
Мы недаром
ее клянем.
Ходит тощая,
испитая вдоль дорог,
подолом пыли.
Кто послал
это испытанье
на плантации,
на поля?
В небе — жар,
как в кузнечном
горне.
Свет не видел
такой беды,
у реки
пересохло в горле,
тоже просит:
глоток воды!
Речка, бедная,
ах, как грустно,
что не слышится
голос твой!
Обнажилось
речное русло
развороченной
мостовой.
А в лесу
смолкло
птичье пенье.
Но когда-нибудь
все равно
у природы
лопнет терпенье —
Небо примет
в сердцах решенье.
Хлынет дождь,
и ударит гром.
В шею засуху,
нет,
в три шеи!
Хорошенько ее кнутом!
Убирайся, незваная гостья!
Сеешь ветер,
так жди грозы:
зреют, зреют
святые гроздья,
гроздья гнева

моей лозы!

Для гостя — парадная дверь,
оставь все сомненья за дверью.
Ты мне чемодан свой доверь,
а я тебе сердце доверю.

ДУБ

Он корнями в земле,
а верхушкой
гостит он у месяца.
А в тени его —
армия
в полдень уместится.
Он похож на страну,
а когда-то он мог
у меня затеряться
в кармане.
В глубину,
в старину
он уходит
своими корнями.
Он причудлив и мудр,
как крестьянская речь.
Его кожа
груба и корява.
Начинается
сразу от плеч
и все ширится
птичья держава.
А во время грозы
в его грудь
электричество
тычется.
Но его не столкнугь!
Сколько лет ему?
Сто или тысяча?
На лету он хватает
каленные молнии,
о колено ломает
хваленые молнии.
Это вам не березки,
не ивы безвольные,
что грозе покоряются
в полном безмолвии...
В жаркий полдень
над ним

встала тучка:
«Дай, думает, брызну!»
Из котомки пастух
вынимает соленую брынзу.
Каждый путник случайный
прохладе живительной рад.
А с плантации чайной
доносится песня девчат.
Как хотите,
а дуб —
это вам не сосна,
не акация!
Больше всех он мне люб,
как пример
долголетия абхазского.
Этот дуб-великан
неподвластен векам,
но я знаю -
он друг человеку:
и в грозу,
и в жару,
и на зимнем ветру
он готов
протянуть ему ветку.

Заржавел топор без дела,
плуг ржавеет на меже.
Чтоб душа не заржавела,
нужно дело по душе.

Доверяй коню из табуна —
не тому, что вырос в одиночку,
знает вкус хозяйского зерна
и с водой покорно тащит бочку,
а тому, что пил из вольных вод
и привык к траве,
не только к сену.
Этот конь тебя не подведет:
знает он товарищества цену.

Если совесть чиста
и душа не пуста —
у тебя есть надежда

прожить до ста:
даже дольше
живут в Абхазии!
Лишь бы в мире у нас
свет надежды не гас,
никакой не случилось
оказии...
Надо чаще вопрос
задавать себе:
разве мы не хозяйева
нашей судьбе?
Значит, крепнуть
и нашей надежде.
Стала зрячей она,
а была слепой.
В Октябре породнились
надежда с судьбой
и уже не враждуют,
как прежде...
Только рано ли,
поздно ли —
все мы умрем.
А велик ли от этого
будет урон?
Вот о чем надо думать,
пока мы живы,
чтобы душу не тронул
душок наживы...
Не хочу волноваться
по пустякам,
но ведь могут
сказать такое,
что пора на покой
и моим стихам...
Вот что мне
не дает покоя!

За хорошего соседа
жизнь отдам!
А плохой сосед
ее отнимет сам.

ЛУННАЯ ТИШИНА

Весна все не осмелится,
но гнет зимы не вечен.
А небо, словно мельница,
работало весь вечер.

И город сутки целые
в снегу.
А мне сдается,
что это флаги белые,
что он зиме сдается.
Какое невезение!
Хоть ноги бы промокли!
Лазутчики весенние —
ручьи —
и те примолкли.
Луна висит, как маятник.
над горным перевалом.
Весь город —
словно памятник
под белым покрывалом.

ПОДНИМАЮСЬ В ГОРЫ

Поднимаюсь в горы, в горы!
К черту споры, свары, ссоры,
будем выше мелочей!
О пощаде сердце молит,
но ведь я силен и молод,
в мире нет меня ловчей!
На вершине мое счастье,
доберусь хоть до Луны.
Мне ни помощь, ни участие
в этом деле не нужны.
Если пропасть
глянет в душу,
как смертельному врагу,
я не сдамся, я не струшу,
я вернуться не могу.
Старый, мудрый наш Ерцаху*
на затылок сбил папаху
и глядит из-под бровей,
дескать, что за муравей?
Ошибаешься, любезный,
и туда ли ты глядишь?
Это я вишу над бездной
и качаюсь, как амцвиш**
Из-под ног сорвется камень,
растеряешься — беда.
Неужели оба канем
в неизвестность,
в никуда?..
Не бояться, не бояться,
и вперед — любой ценой!
Надо мною небо ясно,
цель моя передо мной.

* *Ерцаху* — самая высокая гора в Абхазии

** *Амцвиш* — конусообразная корзина для винограда.

ОБРАЩЕНИЕ К ДРУГУ

Памяти А. Ласуриа

Мне не спалось,
не елось,
не пилоь.
А ночь текла
как речка по равнине.
И было небо мрачное,
как плес.
И месяц хоронился
в туч рванине...
Ищу в окошке
хоть одну звезду
и к темноте
прислушиваюсь, лежа.
Не первый раз
вот так
я друга жду.
Ну как тебе
не совестно, Алеша!
Кто на тебя возвел
такой поклеп?..
Вот поднимусь —
а ты стоишь
за дверью!..
Подумать только —
я несу твой гроб,
и все-таки
я в смерть твою
не верю!
Почти мальчишка,
тридцать с небольшим,
и слава ждет,
как юная невеста.
Послушайся меня,
вставай, бежим!
Таким, как ты,
на кладбище не место!
Но ты не слышишь
зова моего...
Теперь один
сiju я на бульваре
и глажу,
как родное существо,
скамью,
что мы с тобой

облюбовали.
Ты жадно жил,
не то что знатоки,
что цедят жизнь
по капле,
по глоточку,
а ты любил
шторма
и сквозняки,
глотка вина
не выпил в одиночку.
Ты родине
был верен до конца,
и смерть подстерегла
тебя в дороге.
Ты знал святое
правило бойца:
в два счета
подниматься
по тревоге.
Я не отдам
забвению и годам
те дни,
когда мы юность
брали с бою.
И в старый сад
приду я по следам,
навек в душе
оставленным тобою...
Но этот сад
и комната пусты.
Куда звонить?
Кому послать
депешу?
А за меня
цепляются кусты.
Кусты, пустите!
Чем я вас утешу?
Чем утолю я
сердце и глаза?
Рабочий стол
в набросках
и конспектах.
И кажется,
я слышу голоса,
да, голоса
твоих стихов
неспетых.
Но как же быть,
когда поэт умрет
и выронит перо,
как эстафету?..

Нельзя усыновить
стихов-сирот.
Теперь им вечно
мыкаться по свету.

Есть приятель у меня,
даже, кажется, родня,
и у вас такой имеется,
говорю наверняка.
Он капризной
марта месяца,
ненадежной ветряка.
Пригласи его на пасеку,
он скривится —
горек мед!
Положи ему за пазуху
солнце —
скажет: это лед!
Ходит он
в матросском тельнике,
хоть на флоте не служил.
Все вокруг него бездельники,
целый мир ему не мил.
Всем грозит и обещает он:
«Уличу!», «Разоблачу!»,
а в себе души не чаёт он,
ходит от врача к врачу.
Если он поможет ближним,
значит, это был не он.
Вечно чем-то он обижен,
вечно кем-то ущемлен.
Он и впрямь достоин жалости!
Незавидная судьба —
кто от зависти и жадности
обворует сам себя.

АЛАМЫС

Аламыс — алмаз,
говорят у нас.
Для абхазца нету
важней забот,
чем его сохранность
и целость.
Аламыс переходит
из рода в род,
как фамильная
драгоценность.

Аламыс — если очень
желать и сметь —
вознесет вас
к вершинам
духа.
Иногда аламыс
означает — смерть.
Он опасней
любого недуга.
За него брат на брата
вставал не раз
и друзья расходились,
ссорясь.
Аламыс - алмаз,
говорят у нас.
Аламыс - это честь
и совесть.

СЛЕД МОЛНИИ

Дебри лесные,
рощи лимонные
бьет непрерывная
нервная дрожь.
По небу хлещут
пощечины молнии,
и на рысях
приближается дождь.
Молния злится,
а тучи поджарые
делают доброе
дело свое —
молнию тушат
словно пожарные,
не оставляя следа
от нее.
Вот задымило
и рухнуло дерево
и торжествующе
рявкнул гром.
Молния, молния!
Что ты наделала?
Люди тебя
не помянут добром.
Рано тебе
предаваться веселью.
Молния, гнев твой
бессмыслен и слеп.
Стоило разве
спускаться на землю,
чтобы оставить

на ней
такой след?..

РАЗГОВОР С МОРЕМ

Говорю я...

Отчего вздыхает море?
Отчего?
Может быть, какое горе
у него?
То седеет, как пурга,
сокрушая берега,
то становится зеленым,
словно майские луга.
Море, море,
я люблю тебя любым,
мне казалось,
что и я тобой любим.
Я люблю тонуть
глазами в этой сини,
но невесело
становится мне вдруг:
как бесцельно
ты растрачиваешь силы,
словно враг ты человеку,
а не друг...

Говорит море...

Волны мои, как буйволы,
выходят из берегов.
Волны бывают буйными,
хотя они без рогов.
Вы видите в них -
врагов?
Люди!
Вам есть чем гордиться!
И, помыслы ваши ценя,
я радо на вас трудиться,
не зная ни ночи, ни дня.
Но вы научите меня...

Вы на свадьбе абхазской
бывали хоть раз?
Замечали,
как прячут
невесту от вас?

Может быть, от соблазна,
а может, от сглаза
накрывают невесту
фатою из газа.
Кто захочет
увидеть ее —
должен помнить:
в честь нее полагается
песню исполнить...
А сегодня мне сад
показался невестой,
что накрыта
нарядной
фатою небесной.
Перед ней целый хор
распинается птичий,
как велит наш старинный
абхазский обычай.

МОРОЗ В АБХАЗИИ

Когда все спали —
крадучись, как вор,
потайной тропкой
он спустился с гор.
Его рукою голой
не возьмешь!
И звезды до рассвета
била дрожь.
Деревья стали
как резная кость.
В Абхазии — мороз,
незванный гость.
Недогляди за ним —
и он, как джинн,
залезет ледяной
рукой в кувшин...
А впрочем,
он сильней
любого джинна —
лишь черепки
оставит от кувшина.

Стих взнудать
не так просто,
как кажется...
И не каждый
на это отважится.

А к тому же
быть надо разведчиком
чтоб на след его
сразу напасть.
И захочется как-то
раз вечером
испытать над стихом
свою власть.
Хоть умри —
не дается он,
бестия!
Ты уснешь,
не добыв ни крохи...
И тогда —
словно кара небесная,
за какие не знаю
грехи, -
и тогда,
как стихийное бедствие,
к изголовью
нахлынут стихи...

ПАЛЬМА

Эта пальма-красавица
солнца касается.
Эту пальму
видать из Афона.
Ствол зарос
шерстью бурой,
и потрепаны
бурей
листвы
боевые знамена.
Как-то ветер напал
на царицу пальм.
Ах, как он издевался
над пальмой!
Он хотел и он мог
навсегда из-под ног
вырвать почву
у пальмы
опальной.
Люди
пальму спасли
для родимой земли.
Наша пальма
уже не калека.
Я пришлю вам вид:
в парке пальма стоит,
опираясь

на плечо
человека.

ДОЧЬ СОЛНЦА

(ПОЭМА)

Я с легенды абхазской
сдую древнюю пыль.
Быль смеется
над сказкой,
сказке хочется
в быль.
Пусть они породнятся
под счастливой звездой,
чтобы нам поравняться
со своею мечтой...
А мечта в поднебесье
рвется вон из груди,
а мечта —
как ни бейся —
все равно впереди.
На тебя я в надежде,
сказка,
старый мой друг!
Соберемся, как прежде,
в приятельский круг.
А натешимся пляской,
я достану бутылку
и с легенды абхазской
сдую древнюю пыль.
Быль на сказку
помножу,
чтоб в мои времена,
сбросив старую кожу,
обновилась она...

* * *

Лукоморье...
Кот ученый...
«Сокол, Сокол!
Я — Орел!..»
Ночь —
как черный,
закопченный,
опрокинутый
котел.
Время спать.
Время — вспать!

Время, время,
что нам стоит
сто веков
перелистать!
Сто веков —
сто витков.
Время, время,
я готов
на жару и тряску!
Я гляжу
во все глаза,
позабыв
про тормоза,
и проехал...
в сказку...
Между тем
спала темь,
я видал воочью —
за горой
проснулся день
и схватился с ночью.
Не щадя темноты,
он загнал ее
в кусты —
полетели клочья.
Прояснилась
вся округа,
все дороги
и поля.
И взглянули
друг на друга
море,
небо
и земля.
Поредел
туман озерный.
Рыба ходит
в глубине.
Без трубы видать
подзорной каждый камешек
на дне.
Кто посмеет
бросить тень
на такой
хороший день?
Он глядит
вокруг невинно:
«Почему
людей не видно?»
Я и сам
не вижу их.
Люди!

Есть ли кто в живых?
Объясните, где я!..
И опомнися:
ах, да!
Я же сам
спешил сюда —
странная идея!
Я же в давнем-
предавнем
очутился,
как в плену!
Вспоминаю
по преданьям,
кто тут правил
в старину:
может, царь,
а может, князь?
Вот он дрыхнет
на балконе,
в затрапезном
балахоне
на перине
развалясь.
В изголовье —
верный раб,
изо рта —
смерд и храп
и зубовный скрежет,
будто его режут.
Он жирней
курдюка,
он пьяней
бурдюка —
как с ним быть:
пустить в поэму
или дать ему
пинка?..
Встало Солнышко,
умылось,
причесалось
на пробор.
«А скажите-ка
на милость,
кто там спит
до сих пор?
Что за стыд
и позор!»
Разбудить
лентяя хочет,
пятки толстые
щекочет,
как он вскочит —

смял постель,
разорался:
«Кто посмел?!»
Взбычил шею,
дернул бровью,
а глаза
налиты кровью,
пух и перья
в бороде.
Слуги видят:
быть беде!
Все попряталось
живое,
стало пусто
во дворе,
даже пес,
от страха воя,
схоронился
в конуре.
Солнце смотрит
и смеется —
Солнце выше
всех владык,
но зачем
решило Солнце
показать ему
язык?!
Не мальчишество ли
это? Будто нет
других забав!
А злодей
из пистолета
прямо в Солнышко -
бабах!
Солнце ахнуло
и скрылось,
как сквозь землю
провалилось
в тартарары.
И никто его
не видел
с той поры.
Вот несчастье!
Вот беда!
Навалились
холода.
Вся земля моя
стонала
от великой
кабалы.
Стужа
реки заковала

в ледяные
кандалы.
Время,
облик изменя,
поползло
как змея.
Буря вышла
из берлоги,
замела
пути-дороги,
наломала дров —
будь здоров!..
А зима
все лютей
донимает
людей.
Люди,
вы-то что глядели,
когда царствовал
злодей?
Я живу
в двадцатом веке,
я к вам только
на денек.
Эх, вы, люди-
человеки,
как я с вами
одинок!
Поглядеть на вас —
умора.
Чем в унынье
пребывать
и погоды ждать
у моря —
шли бы Солнце
добывать!
Ну и жалкие
людишки, в очаге —
одни ледышки,
и в душе
огонь погас...
Слышу голос:
«Мало прока
от подобного
упрека —
ты же сам
придумал нас.
У поэтов
есть манера:
забываете
порой,
как нам нужен

для примера
положительный
герой!»
Ладно.
Будет вам
герой,
чтоб стоял
за вас горой —
так его
и называйте:
Ахра,
стало быть -
Гора.
Люди, люди,
не зевайте,
он на кончике
пера!
Захочу-
и будет клякса,
только я
не захочу,
потому что
я поклялся,
что к вам Солнце
залучу...
Но, однако, где же он?
Ахра, где ты?
"Вот он я!"
Точно сабля
из ножон,
точно пуля
из ружья.
Весь народ
ему дивился:
"С неба, что ли,
он свалился?"
Подошли,
собрались в круг:
"Чем ты нам
поможешь, друг?"
"Мой народ!
Мои друзья!
Жить без Солнца
нам нельзя.
Пусть я проклят
вами буду,
если Солнца
не добуду!
Мой народ!
До скорой встречи,
не хочу
судьбы иной.

Я беру ее
на плечи,
только будь
всегда со мной!"

Семь дней,
семь ночей
на воде
и хлебе.
Все видней,
все горячей
становилось
в небе.
Как-то утром
глянул вдаль -
сразу Солнце
увидал.
И от этого
виденья
чуть герой наш
не ослеп,
но, прозрев
через мгновенье,
он спешит
за Солнцем вслед.
Вот он борется
с потоком
в назидание
потомкам.
Скомкал Ахра
поток —
на дорогу
глоток,
и в котомку его,
как котенка:
путь далек,
полегчает котомка!
А перед ним —
водопад,
вот уж, право,
невпопад!
Погрозил он
водопаду:
«Ведь меня же
люди ждут!»
Тот смеется
до упаду.
Водопад скрутил он
в жгут.

Как белье,
скурутил и выжал.
Из воды
сухим он вышел.
Замахнулся
на скалу:
«Прочь с дороги!
Расколю!»
Навалились
друг на друга
грудь в грудь.
Крутит вьюга —
не вздохнуть.
Но легла
на лопатки
и сдалась
ему скала.
Вьюга
смазала пятки —
и от Ахры
без оглядки,
подвывая
и скуля.
Мой герой
неутомим,
не могу поспеть
за ним.
Говорю —
отдохни!
А ему -
хоть бы хны:
«Отдыхать
не время!»
Ты мне, Ахра,
не перечь!
Силы надобно
беречь,
и вздремнуть
не вредно...

* * *

Завтрак стынет.
Чай недопит.
Мой герой
меня торопит.
Мы, как братья,
стали близки.
Стих оседлан.
В путь пора!
Только искры,

только брызги
из-под вечного
пера!..
Далека ты,
путь-дорога,
как Бернес
поет в кино.
Солнце встало
у порога,
а Весна
глядит в окно:
не соринка ли
в глазу —
кто шагает
там, внизу?
Что за гость
незванный?
Сразу видно
храбреца!..
А у Солнца
пот с лица —
только что
из ванной.
Я кричу ему:
Постой!
Это же мой Ахра!
«Что мне Ахра?
Звук пустой,
словно чай без сахара.
Ты куда
его пустил?
Тут же небо —
мир Светил!
Человеку
тут не место,
у меня же
дочь невеста!»
Чем мой Ахра
не жених?
«Тем, что Ахра
ниже них!»
Вот так Солнце!
Темнота!
Жаль, эпоха
здесь не та —
пережитки,
косность!
Мне бы Солнце
устыдить,
хоть немного
остудить,
рассказать

про космос!
Но ведь я тут
новичок,
трудно без подсказки!
Вдруг —
знакомый старичок,
из какой-то сказки.
Помоги, —
говорю, —
моему
богатырю.
Солнце дочь свою
решило
выдать замуж
за какое-то
Светило.
Ты не знаешь?
А я буду
Человека
сватать ей:
из двадцатого-то
века
мне видней!..
Он, кряхтя,
залез в поэму,
спутал рифму,
сдвинул тему,
невзначай
сломал строку...
Тут его
и встретил Ахра
и с почтением,
без страха
поклонился
старика.
А старик —
хоть куда,
хоть в роман,
хоть в повесть.
Голова
совсем седа,
борода —
по пояс.
«Погляди, сынок,
на небо —
сколько звезд
у Луны!
И направо,
и налево
звезд пасутся
табуны.
Но приметней

всех — одна,
ей особая
цена:
с неба скатится
на землю —
превратится
в скакуна.
Что за чудо
этот конь,
что за диво,
что за шея
у него,
что за грива!
У него глаза —
звезды,
крылья — чайки.
Он не знает
ни узды,
ни нагайки.
У Овечьего
пути*
он пасется,
он-то знает
как найти
город Солнца!
Я тебе помогу,
только чтобы —
ни гу-гу,
чтобы ни словечка.
Ты пораньше
завтра встань,
отправляйся на Кубань,
вот тебе уздечка.
Жди коня
и он прискачет,
а увидишь,
что он плачет,—
подойди к нему,
погладь.
Он оплакивает
мать.
Успокоится конь,
ткнется мордою
в ладонь,
даст надеть
уздечку...» —
«Друг!
Спасибо за коня!
И не бойся
за меня,
я не дам осечку...»

* * *

Поскорей бы
время шло!
Подстегнуть бы время!
Поскорей бы
сесть в седло,
сунуть ногу в стремя!..
Наконец,
к исходу дня,
он добыл себе -
коня.
Конь взлетел,
звеня уздечкой.
Небо смотрит:
«Что за блажь?
В самом деле,
конь-то здешний,
а седок, видать,
не наш!»
И тогда
взбесилось небо,
чуть не лопнуло
от гнева.
Высылает
им навстречу
туч несметные
полки.
Град встречает их
картечью,
гром встречает их
в штыки.
Из-за облака
на Ахру
налетает
ураган,
как ударит тот
с размаху
урагану
по рогам!
Сквозь дождя
косые струи,
в лентах молний,
вместо сбруи,
мчится, мчится,
конь волшебный,
только ржет
как оглашенный
и летит
во весь опор
прямо к Солнышку

во двор.

* * *

Город Солнца,
город-сон
вижу каждый
вечер тайно.
Предо мной
струится он
и меняет
очертанья.
Он изменчив,
как мираж,
как подводный
горный кряж,
когда море
в штиле.
Арки,
лестницы,
мосты
не из камня -
из мечты,
башенки и шпили
в самом модном стиле.
Ахра, Ахра!
Цель близка!
Неплохие вести!
Отчего ж
в глазах тоска?
Сердце не на месте?
Не видать
того запала.
Надоело в небе?
Вон звезда
на землю пала.
И тебе за ней бы?..
Утирает
Ахра пот:
«Где ж тут
Солнышко живет?»
Где живет?
А ты не бойсь!
Конь-то сказочный
небось,
он найдет дорогу
к самому порогу.
Вот и входит
Ахра в дом.
В голове
сплошной содом

и в груди
смятенье.
Муть помедлив
у перил,
двери тихо отворил,
входит
легкой тенью.
А пред ним
сидит Весна,
моложавая
весьма.
Солнцу
верная подруга
и законная
жена.
Ахра, друг мой,
не робей!..
Пыльный и усталый,
встал мой Ахра
как репей
перед розой алой.
Та спросила:
«Что с тобой?
Чем ты опечален?» —
«Опечален я
судьбой, —
Ахра отвечает, —
мой народ
попал в беду,
вся земля
в снегу и льду,
люди мрут как мухи.
Это Солнце,
твой супруг,
обрекает
все вокруг
на такие муки!
Уж не хочет ли
оно,
чтоб всегда было
темно,
чтоб иссякнул,
как родник,
славный, гордый
мой язык?
Чтоб у детской
колыбели
больше матери
не пели?
Мрак и стужа.
Снег и ночь.
Солнце нам

должно помочь!
Или не забыта
давняя обида?» —
«Ах, как неудобно, —
говорит Весна, —
Солнца нету дома,
я весь день одна.
Есть и нету вроде
мужа у меня:
горит на работе,
не хватает дня!
Тут порядки строги,
мой тебе совет —
отдохни с дороги,
приходи чуть свет.
Солнце зла не помнит,
с горем же твоим,
знаю, будешь понят
и обласкан им...»

На дворе
едва светало.
И туман был
как сметана.
А герой наш
тут как тут.
Все проснулись.
Солнца ждут.
И земля,
и пахари.
Солнце вышло
на крыльцо,
вымыть руки
и лицо,
улыбнулось Ахре.
«Узнаю
молодца, —
Солнце молвило
с крыльца, —
узнаю
и удивляюсь
вашей дерзости
земной!
Видишь,
я не удаляюсь,
знаю,
ты пришел
за мной.
Я вас ставил
слишком низко,

но теперь,
скажу любя,
постоянная
прописка
будет в небе
у тебя.
Понял я
характер горца
и приму
в свою семью
за отвагу
и упорство.
А ошибку —
признаю,
но теперь
конец обидам.
За тебя я
дочку выдам.
Не споткнись
на этой строчке,
будет,
как с женой решим.
А пока сходи-ка
к дочке,
попроси у ней
кувшин.
Приходи с кувшином
к полдню —
я тебе его
наполню.
Будешь ты
доволен мной!
Миг удобный
улучи
и рассыпь
мои лучи
над родимой
стороной.
И тогда зиме —
конец!..»
Изумился
мой храбрец,
приложил он
руку к сердцу —
и ни слова,
как немой.
Входит в сени,
видит дверцу,
отворяет —
боже мой!
Мудрено ли
удивиться?

Не из плоти —
из мечты
перед ним
стоит девица
нестерпимой
красоты.
От нее —
ослепнуть можно,
от нее -
бросает в дрожь.
Надо очень
осторожно,
просто так
не подойдешь.
Вся в цветах
ее светелка,
подоконники
и стол.
«Я ждала тебя
так долго!
Наконец-то
ты пришел!»
А когда
к груди прижала,
даже брови
у него
закурчавились
от жара,
ну, да это ничего!..

* * *

Семь ночей,
семь дней
он гостил
у ней
в горнице
небесной.
А когда
сел на коня,
проводжала
вся родня
жениха с невестой.
Звезды — дружки,
Месяц — сват,
как велит обычай.
Мой орел
летит назад
со своей добычей.
Их Весна
благословила,

вслед за ними
Солнце шло,
всю дорогу
им светило
и вздыхало
тяжело.
Семь дней,
семь ночей
не смыкал
очей,
а восьмая ночь
настала —
встрепенулся
наш герой.
Свита звездная
отстала.
Месяц скрылся
за горой.
На земле
еще потемки,
снег до самых
до вершин.
И тогда-то
из котомки
Ахра вынул
свой кувшин.
Он летит,
лучи роняя
вроде зерен
из горсти:
«Над тобой,
земля родная,
новым зорям
прорасти!»
Ожил лес.
Очнулись реки.
Горе кануло
навек.
Солнце встало,
растолкало
облака.
И от радости
слеза
набежала
на глаза
родника.
Молодых
встречают люди,
громко славу
им поют,
обнимают
и на блюде

хлеб и соль им
подают.
«Здравствуй, Ахра!
Здравствуй, дочка!»
И ведут их
под венец...
Погоди!
Еще не точка,
еще сказке
не конец.
Если небо
дождь дарует,
знай, что это
был не дождь,
это Солнышко
горюет
и оплакивает
дочь.
Слез его
напьются лозы,
станут пастбища
как шелк.
Благодатны
эти слезы
с теплых
Солнышкиных
щек!..

* * *

Я живу
у Лукоморья,
у меня —
ученый кот.
И в хозяйстве
он подспорье,
да и песни он
поет.
Он поет их
по-абхазски.
Я давно уже
у сказки
собирался
погостить.
Не моя ли то
забота,
если б ныне
вздумал кто-то
наше Солнце
погасить?
Нам в прозрении

жестоком
служит прошлое
уроком —
сказка это
или быль.
Человек мечтал
о чуде.
Будем бдительными,
люди!
Люди!
Он же нас
любил!..
Вот и сказка
всполошилась.
Тень упала
на траву.
Диво-дивное
свершилось
не во сне,
а наяву.
Добрый гений
Человека
крылья новые
обрел.
И звучит
паролем века:
«Сокол! Сокол!
Я — Орел!..»

** Овечьим абхазцы называют Млечный Путь*

(Печатается по изданию: Константин Ломиа. Лунная тишина. Москва, "Советский писатель", 1965. 108 с. Тираж 4500 экз.)

(Сканирование, вычитка — Абхазская интернет-библиотека, <http://apsnyteka.org/>.)